
Евгений ДЪЯКОНОВ

* * *

Во дворе под березками тонкими
Доминошники резво стучат,
Наполняясь нездешними токами,
Вспоминая детей и внучат.
А поодаль гуляют собачницы,
Алиментщики пьют втихаря,
Безобидно подростки дурачатся
Без царя в голове, без царя...
Все куда-то откуда-то тянется,
Открывая иные миры.
И лениво из спящего пьяницы
Пьют кровавый коктейль комары,
И прекрасны вы все и уродливы,
Я на вас не гляжу свысока,
Но нагрянут толпой иероглифы
Из неясного мне языка —
Угловатые, хитрые, дерзкие —
Обустроят себе здесь уют
И все песенки добрые, детские
Перепишут и перепоют.

* * *

Привет из детства: дача, огород,
Ворчанье взрослых, хныканье ребенка,
Смородина, теплица, у ворот —
Наш личный пруд, фугасная воронка,
Заполненная мутною водой
И кое-где поросшая осокой,
Она теряла связь с большой войной —
С войной на удивление далекой.
Ведерками ловили в ней мальков,
Бумажный флот испытывали там же,
В мечтах взлетая выше облаков —
Не жизнь, а приключение, Джуманджи,

Евгений Александрович Дьяконов родился в Ленинграде в 1989 году. Окончил СПбГУКИ, работает экскурсоводом. Публиковался в журналах «Москва», «Невский альманах», «Окно», в «Литературной газете», в альманахах и поэтических сборниках. Дипломант литературного фестиваля им. Н. Гумилева «Осиянное слово» (2016, 2017), участник литературной конференции им. Михаила Анищенко (Самара), победитель Всероссийских литературных фестивалей «Русские рифмы» и «Филатов-фест». Живет в Санкт-Петербурге.

Кругами расходилось по воде,
Но, как известно, рвется там, где тонко.
Теперь уже не сыщешь тех людей,
Кто вспомнил бы, что здесь была воронка...

* * *

Все, что было, исковеркав,
и несдержан, и плаксив,
я решил поехать в церковь
темной ночью на такси.
А при мне два чемодана,
в них — грехи ушедших дней.
На обочине — путана,
сутенер следит за ней,
тлеет в кабаке бандюга,
в подворотне бомж гниет.
По России воет вьюга,
вьюга в лобовуху бьет.
А шофер неразговорчив,
не уснул бы за рулем,
воет волком в яме волчьей,
видно, кто-то и о нем.
Пребывает все в смятенье,
в белый саван облачась,
где же в этакую темень
Пастернакова свеча?

* * *

Вспоминая обиды и розни,
Намотав то, что надо, на ус,
на троллейбусе, вечером поздним,
по Большому проспекту качусь.
Ну а память субстанцией вязкой
забывает всю голову мне,
сколько ужасов было на Ваське!
Больше, чем на другой стороне
полноводной красавицы нашей,
может, остров и близок мне тем,
что, как смерть, неминуем и страшен
и спасителен, как Вифлеем.
Не уеду, не сдамся без боя,
оставаться ведь мне не впервой,
где в любовь уходил, как в запой, я,
и в стихи,
и в обычный запой...

* * *

Смотрю на них, глаза слегка прищурив,
не нарушая правил и границ:
с женой, с детьми, сидит на кухне шурин,
омлет вкушая из пяти яиц.
Играют дети, женщина смеется,
глава семьи в уме кроит бюджет,
а в форточку заглядывает солнце,
и деньги есть, и вроде горя нет.
Красивое, здоровое семейство,
почти святое, изучаю я;
сказать по-чесноку, за это действие
отдал бы и полцарства, и коня,
чтоб там же быть, без забулдыжной грязи,
без рифмованья кособоких строк,
чтоб слово было — просто средством связи,
друг с другом, а не с тем, чье имя — Бог.

* * *

Когда-нибудь за тридевять земель я,
Разбившись в кровь, уйду искать свой кров,
Не от стихов, скорее от похмелья.
Не от друзей, скорее от врагов.
Преодолев и время, и пространство,
И — что важнее — собственную речь;
Шампанское заменится шаманством,
В шаманстве не позволив душу сжечь.
И вот тогда я — в голубом берете,
В тельняшке, с «калашом» наперевес —
Останусь с вами только в Интернете,
А где ж еще, в отсутствие небес?